

Не успел Ли Мэн вымолвить и слова, как получил звонкий щелчок по лбу — Чжао Лои ткнул его концом своей курительной трубки, оставив багровое пятнышко.

—... — Ли Мэн недовольно потёр лоб и огляделся.

Красавица в зелёном платье отошла к двери и, скрестив руки на груди, прислонилась к косяку. В комнате приятно пахло благовониями, от которых кровь быстрее бежала по жилам. Ли Мэн почувствовал, как к щекам приливает жар. Переведя взгляд на Чжао Лои, он заметил, что его поясница туго обмотана белой тканью, сквозь которую проступали свежие бурые пятна.

С трудом сглотнув, юноша выдавил:

— Те чужеземцы... они ведь за тобой гнались?

Чжао Лои ответил со свойственным ему равнодушием:

— Сюда они не сунутся.

— Но только что они гнались за мной, — вставил Ли Мэн.

Чжао Лои промолчал.

Подошедшая девица бесцеремонно схватила Ли Мэна за шиворот и приподняла, словно нашкодившего котёнка. Тот беспомощно заболтал в воздухе руками и ногами, густо покраснев.

— Брось его, — лениво обронил Чжао Лои. — Если что, отбиться мы сумеем.

Хватка на затылке ослабла, и Ли Мэн шлёпнулся на пол. Он торопливо поднялся, но в голове сразу помутилось. Юноша судорожно прижал ладонь к виску.

— Наставник...

Чжао Лои лениво приоткрыл глаза.

Ли Мэн покачнулся, ноги его подкосились. Обмякший, с мутным взглядом, он попытался ухватиться за воздух, но пальцы лишь беспомощно скользнули по пустоте.

— Всё плывёт... — пробормотал он и рухнул навзничь, раскинув руки.

Девица легонько пихнула носком туфли его бок.

— Вот же чёрт, от такой ерунды отключился! — проворчал Чжао Лои.

Качая головой, он поднялся с постели и, не говоря ни слова, перенёс Ли Мэна на кровать.

Красавица прикрыла рот веером из перьев.

— Подумаешь, всего лишь благовония «Капля весны». Твой ученик что, совсем девственник?

В империи Цинь юноши могли жениться уже в тринадцать лет. К возрасту Ли Мэна парней, ни разу не деливших ложе с женщиной, оставалось раз-два и обчёлся — разве что его старший соученик Шуфэн.

Чжао Лои пропустил её шпильку мимо ушей. Уложив Ли Мэна поудобнее, он накинул походный халат, затянул пояс и обратился к хозяйке комнаты:

— Мне нужно уйти. Как очнётся, пусть сам возвращается в управу.

Уже у порога Чжао Лои обернулся и заметил, что девица с любопытством склонилась над юношей, протягивая к нему руку.

— Коснёшься его хоть пальцем — лишишься руки. При нашей следующей встрече я её лично отрублю.

С этими словами Чжао Лои толкнул дверь и вышел.

До слуха куртизанки донёсся шорох его шагов по черепичной крыше — Чжао Лои даже не пытался скрываться. Она недовольно закатила глаза:

— Жадина! И что бы случилось, если бы я его разок потрогала?

Она снова потянулась к лицу юноши своими нежными, белыми как побеги лука пальцами, но внезапно замерла. Помедлив, она боязливо сжала кулак, досадуя на собственную нерешительность, и сердито велела слугам принести воды.

В разгар суровой зимы ушат холодной воды мигом остудил бы любой пыл. К тому же Ли Мэн только-только оправился от простуды. Тяжело дыша, он распахнул глаза и испуганно уставился на девицу, которая заносила над его головой огромный деревянный ковш.

— Апчхи!

— Ой, лихо! Напугал до смерти! — вскрикнула она, прижав ладонь к груди.

Из дрогнувшего ковша выплеснулось немного воды. Ли Мэн удивлённо моргнул — вода оказалась тёплой и даже приятной. Он мгновенно присмирел.

Послышался плеск. В воду явно добавили какие-то целебные травы — аромат стоял чудесный. Во время долгого пути Ли Мэну порой неделями не удавалось по-человечески помыться, а по приезде в управу он сразу слёг с лихорадкой. Оказавшись в тёплой бочке, он с наслаждением зажмурился.

— Как звать-то тебя? — спросила девица.

— Ли Мэн. Ли — который из двух частей, «дерево» и «сын», а Мэн — «невежественный».

Поскольку эта женщина явно была близко знакома с наставником, юноша невольно расслабился, хотя один вопрос его всё же мучил:

— Что за странная дрянь курится у тебя в комнате? Почему я сразу отключился, а вам двоим хоть бы хны?

— Мы в Башне к таким запахам привыкли, — усмехнулась она. — Со временем и тебя твой учитель натаскает.

От горячей воды светлая кожа Ли Мэна покраснела, точно у варёного рака. Девица потянулась было к нему, но, вспомнив предупреждение Чжао Лои, с досадой отдернула руку.

Ли Мэн сидел спиной и ничего не замечал. Тепло проникало до самых костей, даря истому, так что он лишь лениво мычал в ответ.

— И давно ты ходишь за Цюнцзи? Что-то не похоже, чтобы ты перенял хотя бы сотую долю его мастерства.

Ли Мэн насупился и лишь спустя минуту неохотно пробурчал:

— Он ещё не решил, брать ли меня в ученики по-настоящему. Ты не знаешь, какие люди ему нравятся?

Если бы ему удалось перенять боевое искусство Чжао Лои, мечта об отмщении наконец обрела бы плоть. Ли Мэн хоть и размяк от пара, но о самом главном не забывал ни на миг.

— Ученики для него — дело из ряда вон выходящее, — сладким, усыпляющим голосом пропела куртизанка. — Раз уж он до сих пор не прогнал тебя и позволяет следовать за собой, значит, уже выделил среди прочих. Главное — не переступай черту.

Её певучий голос, одновременно нежный и прохладный, завораживал. Вне сомнений, она тоже принадлежала к Башне Десяти Направлений. Стоило такой женщине пустить в ход свои чары, и редкий мужчина устоял бы перед ней.

Ли Мэн, пребывая в полусонных грёзах, послушно приподнялся, но тут же опомнился:

— Сестрица, прошу, подожди снаружи. Я оденусь и выйду.

— Да ладно тебе, я уже видела, как тебя отмывали, чего теперь стесняться? — хмыкнула куртизанка, но всё же послушно вышла за дверь.

От долгого распаривания Ли Мэн покраснелся ещё сильнее.

— Твоя старая одежда никуда не годится, — донёсся из-за двери её голос. — Но наставник ещё на рассвете забрал для тебя новые халаты. Выбирай любой.

Мокрая нательная рубаша облепила недосушенное тело юноши, подчёркивая его худобу. Однако стоило ему накинуть верхнее платье и затянуть пояс, как фигура преобразилась: талия казалась совсем тонкой, а бёдра округлились.

Вернувшаяся девица одобрительно кивнула.

— Как мой наставник умудрился ранить себя? — поинтересовался Ли Мэн.

— Да он круглый год излечивается от одних ран только для того, чтобы получить новые, — вздохнула хозяйка комнаты. — Дерётся так, будто жизнь ему недорого. В прежние годы вообще безумствовал — все думали, поскорее хочет отправиться на тот свет, к матери.

Она резко замолчала, словно сболтнула лишнего, и поспешно сменила тему:

— Но раз уж у него появился ученик, нам всем спокойнее. Береги его и учись усерднее.

«Значит, у Чжао Лои тоже нет матери...» — подумал Ли Мэн, и на душе у него заскребли кошки. Он молча завязал узел на дорожном мешке, подобрал Меч Безрассудства и собрался уходить.

— Что же ты даже имени моего не спросишь? — усмехнулась девица. — Если будешь во всём подражать своему учителю, наживёшь кучу врагов. Только у него сил хватит со всеми расправиться, а у тебя?

Она присела на расшитую постель, кокетливо выставив из-под подола белоснежные ножки, и

лениво оперлась о столик. Положив подбородок на ладонь, она с лукавой улыбкой уставилась на Ли Мэна.

Юноше пришлось пересилить себя и вежливо спросить:

— Как мне величать госпожу?

— Раз уж ты так искренне просишь, я смилостивлюсь и открою тебе тайну. Запоминай хорошенько: любой из четырёх великих убийц, оказываясь на моих землях, обязан явиться ко мне с поклоном. Зови меня... — Она кокетливо взглянула на него: — Синь-нян.

—... — Ли Мэн выдавил слабую улыбку. — И где же ваш суженый, госпожа Синь-нян? Если нужно, я мигом разыщу почтенного жениха.

Синь-нян на мгновение помрачнела от гнева, но сдержалась и приторно улыбнулась:

— Какой вредный мальчишка! В моём имени слог «Синь» означает благоухание девы, а вовсе не «невесту». Смотри не перепутай!

У Ли Мэна, едва успевшего остыть, уши снова запылали. Он пулей выскочил из комнаты под доносившийся вслед залихватистый хохот Синь-нян. Не смея оглянуться, юноша пробежал через двор и юркнул в заднюю калитку. Кое-как сориентировавшись в переулках, он выбрался на знакомую Южную главную улицу и тут вспомнил про поручение Хо Ляньюня.

Расспрашивая прохожих, он отыскал винную лавку. Рассудив, что у Хо Ляньюня и Чжао Лои отменное здоровье и пьют они немало, да и сам он не прочь пригубить чарочку, Ли Мэн решил не скупиться.

Спустя битый час он добрёл до усадьбы. Привратник, завидев юношу, увешанного кувшинами — два он прижимал к груди, а ещё два покачивались на лыковых петлях у него на локтях, — поспешил на помощь:

— Ого, молодой господин! Ну и завидный же у вас аппетит! Может, заглянете к нам вечером в караулку, пропустите по чарочке с ребятами?

— Какое там «господин», не придумывайте, — вежливо отнекался Ли Мэн. — Наставник у меня строгий. Если освобожусь вечером, загляну.

Забрав кувшины, он прошёл во внутренний двор.

Хо Ляньюнь, как раз пивший чай, поперхнулся и брызнул водой. К счастью, Ли Мэн сегодня был начеку и успел вовремя отскочить.

— Вот вино Тусу, — юноша указал на глиняные горла кувшинов. — С шутихами и хлопушками вышло сложнее, но лавочник всё записал и обещал доставить к ужину.

С этими словами он протянул Хо Ляньюню сдачу — три ляна и два цяня серебра.

Тот лишь отмахнулся:

— Оставь себе на сладости.

—... Я не ем сладкого, — буркнул Ли Мэн.

— Да ладно тебе, — добродушно усмехнулся Хо Ляньюнь. — Покупай, мы смеяться не станем.

— С семи лет конфет в рот не беру, не люблю я их, — вздохнул юноша.

Хо Ляньюнь казался рассеянным. Его плечи укутывал плотный плащ, а ладони грелись в меховой муфте, так что разглядеть под ней рану было невозможно.

— Ну, потрать на что-нибудь другое. Считай это платой за труды, а вечером я тебе ещё и на подарок подкину.

Ли Мэн не стал спорить. Видя, что Хо Ляньюнь держится скрытно, он побоялся показаться навязчивым и ушёл на галерею.

Чжао Лои всё ещё не возвращался.

В сером небе бесшумно пронеслась пара птиц. Из всех пернатых Ли Мэн больше всего любил диких гусей, но их пора давно миновала. Зимой птицы редко поднимались в ледяную высь.

От нечего делать юноша сидел на холодном ветру, пока у него не побежал нос. Собираясь уйти в тепло, он уловил чей-то взгляд. Смахнув набежавшую слезу, он посмотрел через двор: в окне флигеля показалась фигурка в ярко-красной кофте — это была Тао-эр. Она смотрела прямо на него.

Ли Мэн помахал ей рукой.

Девочка ответила тем же.

Зайдя в комнату, Ли Мэн скинул мешок, налил чашку тёплого чая и лениво похлопал себя по бокам.

И вдруг замер.

Юноша подскочил как ужаленный. Он принялся лихорадочно ощупывать воротник, рукава, пояс — все складки новой одежды, но заветного расшитого мешочка нигде не было. Сам мешочек его не заботил, да и нефритовый Будда с датой рождения Тао-эр был ему без надобности. Ли Мэна охватил ужас из-за кольца, лежавшего внутри. То была единственная памятная вещь, оставшаяся от покойной матери. Единственная уцелевшая реликвия.

Он сорвал пояс, скинул верхний халат и в отчаянии распахнул нательную рубаху. Поколебавшись, стянул сапоги и перевернул их, надеясь услышать заветный стук, но на пол не упало ни пылинки. Ли Мэн принялся прыгать на месте — если кольцо завалилось в складки штанин, от тряски оно должно было выпасть.

И в этот самый момент дверь с грохотом распахнулась.

Ли Мэн испуганно замер, судорожно придерживая спадающие штаны.

На пороге стоял Чжао Лои. Окинув ученика тяжёлым взглядом, он прикрыл за собой дверь и недовольно проворчал:

— Если тебе жарко, иди во двор. Там быстро остынешь.

Юноша в мгновение ока натянул одежду. Чжао Лои тем временем прошёл во внутренние покои. Ли Мэн хотел было заговорить, но чуткий нос уловил резкий запах крови. Только сейчас он заметил на полу тёмную влажную полосу, тянущуюся за наставником.

— Наставник, вы ранены?! Я сейчас же позову лекаря! — испуганно закричал Ли Мэн, мгновенно позабыв о потерянном кольце.

Чжао Лои тяжело опустился на постель лицом вниз. Сквозь прореху на его боку сочилась тёмная кровь. Он дотянулся до одеяла и укутался в него с головой.

— Я буду спать. Стереги дверь.

Ли Мэн замер в ожидании дальнейших распоряжений. Ранение наставника было очевидным, и нанесли его, скорее всего, те самые чужеземцы. Скрывать это не имело смысла, но Чжао Лои, похоже, просто не желал тратить силы на объяснения. Не услышав больше ни звука, юноша осторожно приподнял полог и заглянул за ширму: наставник лежал неподвижно, мерно и тяжело дыша. Он действительно уснул.

Пришлось Ли Мэну аккуратно стянуть с его ног сапоги и уложить занемевшие конечности на кровать, отчего сам он изрядно взмок.

Принеся таз с водой, он принялся бережно обтирать ладони и ступни мужчины. Вода быстро окрасилась в розоватый цвет.

Поразмыслив, Ли Мэн решил сходить на кухню усадьбы и согреть свежей воды.

Когда он вернулся и осторожно коснулся воротника наставника, Чжао Лои мгновенно распахнул глаза. Увидев перед собой ученика, он промолчал и снова погрузился в глубокий сон.

Приподняв окровавленную ткань чёрного халата, Ли Мэн обомлел. Белая марля на боку наставника пропиталась кровью настолько, что из неё вышел бы отличный свадебный покров невесты. На правом боку зияла глубокая сабельная рана, из которой всё ещё сочилась кровь.

Очистив края раны, юноша перерыл весь дорожный мешок Чжао Лои и наконец отыскал флакон со снадобьем. По запаху оно напоминало то средство, которым он обрабатывал раны наставника в их первую встречу. Решив, что для резаных ран оно в самый раз, Ли Мэн забрался на постель, уселся верхом на бёдра Чжао Лои и принялся аккуратно присыпать порез целебным порошком.

Едва лекарство коснулось обожжённой плоти, Чжао Лои судорожно сжал челюсти, на его лбу выступила испарина. Насилу приоткрыв глаза, он хрипло спросил:

— Что ты делаешь?

— Рану присыпаю, — растерялся Ли Мэн, держа в одной руке флакон, а в другой — щепотку порошка.

— Откуда ты взял это зелье?.. — Чжао Лои поморщился от боли. Он жестом велел юноше слезть с него, поправил штаны и с раздражением отобрал у него пузырёк.

— Пахнет точно так же, как в прошлый раз... — пролепетал Ли Мэн.

— У тебя что, собачий нюх? — простонал Чжао Лои.

Лекарство оказалось совсем не тем, и боль была невыносимой. Однако, сжав зубы, он смолчал — глупо было винить мальчишку, который просто хотел помочь. Чжао Лои мысленно повторил это себе трижды, но лицо его всё равно оставалось мрачнее тучи.

Ли Мэн шмыгнул носом, его глаза предательски заблестели от слёз.

Чжао Лои глубоко вздохнул, стараясь унять внутреннюю бурю:

— Сходи за чистой водой и смой это. Больше ничего не трогай.

Юноша едва сдерживал рыдания, голос его задрожал:

— Наставник... вы ведь не умрёте?

— Умру. От твоей дремучести.

Ли Мэн торопливо вытер нос рукавом и опрометью бросился за водой, искренне боясь, что наставник испустит дух по его вине.

Когда всё было умыто и прибрано, за дверью раздался голос слуги, зовущего к обеду. Чжао Лои кивнул ученику.

— Сейчас буду! — отозвался Ли Мэн.

— Собери обед в судок, — негромко напутствовал его Чжао Лои. — Возьми чего-нибудь попроще. Вина не надо, острого и рыбы тоже избегай. Пусть будет лёгкая похлёбка.

Ли Мэн послушно закивал зарёванным лицом. Когда он вернулся с наполненным судком, Чжао Лои уже дремал. Ли Мэн тихонько позвал его, и тот с трудом разомкнул веки.

Пока юноша бережно кормил его с ложки, он шёпотом рассказывал:

— Второй шишу спрашивал о вас. Я сказал, что вас нет в усадьбе. Сберёг вот еды на вечер.

— М-м, — сонно отозвался Чжао Лои, не открывая глаз. — До одиннадцати часов вечера выставь судок за дверь.

Ли Мэн кивнул.

Чжао Лои едва заметно усмехнулся. Он уже засыпал, но в душе шевельнулось приятное тепло — парень наконец-то стал вести себя как настоящий преданный ученик. Чжао Лои никогда прежде не воспитывал преемников, но эта искренняя тревога забавляла его и трогала.

Приоткрыв один глаз, он увидел, что Ли Мэн прижался лицом к краю его одеяла. Плечи юноши беззвучно вздрагивали от рыданий.

Сам не зная зачем, Чжао Лои протянул руку и мягко положил ладонь ему на макушку.

«Ишь ты, — подумал он. — Волосы мягкие, шелковистые. Сразу видно — барчук».

Ли Мэн вздрогнул и поднял голову. Их лица оказались совсем рядом. Дыхание юноши, только что выплакавшегося, было горячим и прерывистым.

Чжао Лои медленно убрал ладонь с его головы, коснулся кончиками пальцев уха и скользнул ниже, к горлу, легонько сжав его ладонью.

— Моё тело устроено иначе, — негромко, но твёрдо проговорил он. — Для меня это сушая чепуха. Не вздумай будить меня посреди ночи своими причитаниями. Мне нужно выспаться, и завтра я смогу хоть в седло сесть.

Ли Мэн моргнул. Глаза его, омытые слезами, казались неестественно чистыми и ясными. В этот миг он походил на преданного пса, который из последних сил пытается угодить хозяину.

— Тогда я буду стеречь дверь, — прошептал он.

Чжао Лои ничего не ответил. Измождённый до предела, он закрыл глаза и мгновенно провалился в сон.

Ли Мэн почувствовал прилив необъяснимой энергии. Сначала он мерил комнату шагами, но, побоявшись потревожить сон наставника скрипом половиц, затих. Стараясь не шуметь дверцами шкафа, он аккуратно расстелил на полу у кровати старый халат Чжао Лои, завернулся в собственное верхнее платье и, свернувшись калачиком у самых ног учителя, погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/18266/1759304>